

ЛОВЕЦ ФОРЕЛИ

Федор Поленов

*О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной*

К. Н. Батюшков

Шоссе Ижевск — Сарапул, вырвавшись из елового леса, то спускается в широкие ложбины, сплошь заросшие по краям кустами можжевельника и сохранившие кое-где на северных склонах остатки снега, то взлетает на взгорья, чтобы открыть дальние лесные горизонты. И под стать стремительному бегу автомашины ритм и мелодия стихов, не дающих мне сейчас покоя:

Ты тигров бьешь, а я — ловец форели.
В твоей душе чистилища огни.
В моей — прохлада ароматной ели.
Хоть одновременно, различно пели,
Различно проводили наши дни.
Ты — в джунглях юга, я — у горных рек.
Охотник ты. Я — мирный человек...

Да, композитор Анатолий Николаевич Александров писал стихи. Об этом

почти никто не знает: он нигде и никогда их не публиковал. Эти сегодня увидят свет впервые. Стихи мудрые и чистые. Его поэзия была отражением немеркнувшего света, которым был всегда озарен его высокий душевный настрой.

Погода совсем разгулялась, майское солнце становилось щедрым. Сарапул встречает нас безоблачным небом, а каких-нибудь три часа назад тускло-свинцовым был взлохмаченный резким северным ветром старый Воткинский пруд. Хотелось скорее попасть под крышу, в тепло одноэтажных уютных домиков, смотрящих на пруд из аккуратно нарезанных вдоль набережной палисадников. Конечно, нам повезло: первый дом, в который мы попали, был родным домом Петра Ильича Чайковского. Вдвойне повезло оттого, что мемориальный музей Чайковского был закрыт на ремонт.

Мне нравится ходить по этим комна-

В. Д. Поленов в своем кабинете слушает музыку в исполнении пианистки В. В. Вульф. 1908 г.

там, слушать плеск воды из водосточных труб и барабанный бой ливня по крыше — дождь усиливается. И рассматривать старые фотографии цвета сепии, потускневшие и поблекшие от времени. Беру очередную — групповой снимок конца восьмидесятих годов прошлого века. В центре — молодой Чайковский, рядом талантливая пианистка Анна Яковлевна Александрова, мать Анатолия Николаевича. Сразу вспомнилось ее письмо той поры к Чайковскому с просьбой быть крестным отцом ее старшего сына Вовы. И ответ Чайковского, где он в шуточной форме высказывает боязнь этой роли и сомнения своего успеха в ней, ссылаясь на то, что никогда не приходилось ему держать на руках новорожденного.

Конец восьмидесятих годов XIX века... Анатолию Николаевичу год или два от роду. Неожиданно я прикоснулся к самым истокам. Да, стоило ехать на машине по незнакомым дорогам Удмуртии сотни километров, чтобы на берегу Воткинского пруда обнаружить этот снимок и держать его в руках как подарок судьбы. Фотографии почти сто лет. Анатолий Александров, проживший долгую жизнь, скончался в 1982 году. И в глубокой старости полностью сохранил он обаяние светлого ума и великолепной памяти, чувство тонкого юмора и свой характерный жизнеутверждающий оптимизм.

«Анатолий? Это прежде всего — музыка», — таково было глубокое убеждение всех, кому посчастливилось его знать. Мне посчастливилось. И главным впечатлением от встреч с ним неизменно была та связь эпох — от классического наследия к сегодняшнему дню, живым воплощением которой он был всегда. Его чуждая всему наносному высокая культура, энциклопедические знания и редкая эрудиция никогда не подавляли собеседника. Повышенный интерес к жизни и ее непреходящим ценностям, служение любимому искусству и удивительная скромность во всем. Таким был Александров.

Много сказано и написано о композиторе Александре его соратниками, музыкальными критиками, его учениками. Лейтмотив всего — восхищение и глубокая признательность. Признательность не только ему за все, им сделан-

ное. Благодарность судьбе, приведшей, начиная с 1926 года, в класс Московской консерватории, который вел профессор Александров, людей из Башкирии, Латвии, Азербайджана, Болгарии, Вьетнама, Югославии...

Но лучше всего сказал о себе он сам, сказал с присущей ему классической завершенностью и четкостью мысли. Сказал в стихах. Эти стихи адресованы и посвящены Сергею Сергеевичу Прокофьеву. Им было предпослано многозначительное заглавие «Победитель».

...Охотник ты. Я мирный человек.
Ты некогда, очистившись от скверны,
На тигре въедешь в рай, как на коне.
Мой лес сторит. На обгорелом пне
Останутся следы моей таверны:
Весло, крючок, уключина, и, верно,
Никто, никто не вспомнит обо мне.
Фореель ушла. Ловец — на мшистом дне.

Многие сравнивают романс Александрова на слова Константина Батюшкова «О память сердца! Ты сильней рассудка памяти печальной» по силе эмоционального воздействия с «Песней Сольвейг» Эдварда Грига. То же преданное и сердечное чувство ожидания, слитое с необычайной чистотой светлых надежд. Этот романс — счастливая творческая удача и находка композитора во время его работы над музыкой к кинофильму «Северная повесть» по одноименной повести Паустовского.

Вспоминаю, с каким увлечением, чуть ли не с азартом, рассказывал Константин Георгиевич Паустовский о съемках этого фильма, о том, как по замыслу постановщиков фильма в Прибалтике воскресал XIX век: для съемок собирали старые парусные шхуны. Героика и лиричность трогательной «Северной повести» нашли блестящее симфоническое воплощение. Режиссер и постановщик фильма Евгений Андриканис вспоминал потом: «Для меня было огромным творческим счастьем работать вместе с Анатолием Николаевичем. Его музыка подняла фильм. Константин Паустовский не раз выражал свой восторг, свою признательность этому замечательному композитору нашего времени... После исполнения каждого музыкального фрагмента оркестранты вставали и стуком смычков выражали свой восторг. Это был триумф, достигающийся не каждому композитору!»

А. Н. Александров. 1976 г.

Как невозможно представить себе мир Толстого и жизнь Ясной Поляны без Гольденвейзера, так не представляю себе традиций музея Поленова без Александрова и его музыки в блистательном авторском исполнении.

Поленов и Александров. Несмотря на разницу в возрасте в сорок четыре года, их объединяло многое. Помимо общности целей и замыслов в совместном походе за музыкальную культуру, начатом в начале XX века, Поленова и Александрова роднила общность мировоззрения, общность светлого взгляда на жизнь и место человека в ней. С 1910 года звучит музыка Александрова в доме над Окой. Недавно, разбирая фронтовые дневники своего отца, я встретил запись, сделанную осенью 1916 года. Она посвящена радостному событию — получению письма из дома с сообщением об успешной постановке пьесы В. Д. Поленова «Анна Бретонская». Резким контрастом с жестокой фронтовой действительностью звучала эта новость.

«Музыка, конечно, Анатолия Александрова. Чем-то радостным, родным и близким повеяло от этих известий», — пишет отец. А музыке этой суждено долго звучать здесь и рождаться в поленовском «Аббатстве».

...В час раннего августовского вечера, когда последних экскурсантов проводил Большой дом поленовской усадьбы, когда подведен итог очередному многотрудному дню и тишина повластной хозяйкой вступает в парк, из открытого окна кабинета В. Д. Поленова начинает литься музыка, которой суждено сделать этот вечер волшебным и незабываемым. Как десятки других вечеров, одухотворенных присутствием в усадьбе Анатолия Николаевича. Та же фисгармония, подаренная ему Танеевым и привезенная в начале века в дом над Окой. Звучание ее не изменилось за минувшие десятилетия. Тот же старенький «Блютнер» — пианино, которое здесь со дня постройки дома, свыше ста лет. Оно помнит игру Прокофьева.

Сейчас его звуками зачарованы музей, деревья парка, эспланада в разливе белых флоксов и замершие цветы традиционной настурции в ящиках на ступенях западной террасы. «Александров-пианист — это одно из замечательных звеньев в цепи русских композиторов-пианистов. Его пианизм глубоко родственен его музыке. Анатолий Николаевич умеет мгновенно сосредоточиться на музыке, сразу попасть на исполнительскую стезю и погрузиться в творческое состояние, подчинив технику и ее задачи главному: идее, образу, настроению...» Это — профессиональное мнение Виктора Бунина, одного из талантливейших учеников А. Н. Александрова.

«И теперь я счастлив тем, что летом ежегодно живу в Поленове, участвую в традиционных спектаклях в качестве композитора и исполнителя, играю на прекрасной фисгармонии хоралы Баха в столь знакомых и дорогих мне комнатах, где и сейчас устраиваются импровизированные музыкальные вечера», — написал незадолго до своей кончины

Анатолий Николаевич в книге своих воспоминаний, преподнесенной музею с надписью: «Дому-музею В. Д. Поленова от верного друга». Это было в его последнее лето в Поленове. В то лето Анатолий Николаевич и прочел свои стихи «памятью сердца», взявшие меня в плен в доме, где родился Чайковский:

...Форель ушла. Ловец на мшистом дне.
Сойди к нему из куц цветущих ря
И прах сожги. В обугленной глуши
Над пеплом «аллилуйя» восклицая,
Победный клич на камне надпиши.
Но пусть тот камень осеняет ель.
Пусть вечная печать на нем — форель.

«Анатолий? Это прежде всего — музыка!» Таким он и остался до конца своих дней. Не хватало трех строчек, чтобы уместить перечисление всех званий, когда он как член научно-художественного совета поленовского музея подписывал официальные бумаги. Лауреат Государственной премии. Заслуженный деятель искусств. Профессор. Доктор искусствоведения. Народный артист СССР... А он оставался таким же скромным и юным душой, как во времена своей молодости.

То лето, последнее лето, до краев полное музыкой Моцарта, Баха, Вивальди, поэзией Пушкина, Фета, Блока, Ахматовой, воспоминаниями о Рахманинове, Танееве, Метнере, Скрябине, Шаляпине... В то лето маленький галчонок выпал из гнезда. Ему не дали погибнуть: дети нашли его, выкормили и приручили. Он вырос, превратился в молодую галку и совершенно не боялся людей. Галка почему-то особенно любила сидеть на плече у Анатолия Николаевича. И встает перед глазами знакомая картина: его сутулая фигура в березовой аллее у южной террасы Большого дома,

или на одной из дорожек цветника-эспланады, или под красным кленом у входа в «Аббатство». И непременно на плече галка. Или старый композитор сидит за инструментом в кабинете Поленова, а галка на подоконнике. Или он железными граблями сгребает мусор на эспланаде, а галка рядом копается в земле. Даже когда ему перевалило за девяносто и стало трудно общаться с людьми — сильно сдали зрение и слух, он ежедневно работал физически: с большим мастерством обрезал дерн на дорожках цветника, расчищал дорожки музейного парка, обрезал кусты жасмина и сирени, и мне приходилось ставить его в пример молодым рабочим музейного парка.

О кончине Анатолия Николаевича Александрова я узнал утром весеннего дня, накануне своей поездки в Удмуртию. В тот день я должен был выступить с лекцией в доме культуры города Красноармейска. Перед началом лекции я сказал, что накануне скончался старейший советский композитор и старейший член научно-художественного совета музея-усадьбы В. Д. Поленова. И попросил почтить его память минутой молчания. Никогда не забуду, как весь большой переполненный зал поднялся как один человек и замер в скорбном молчании...

Сейчас научно-художественный совет музея готовит решение об увековечении памяти композитора Александрова в мемориально-архитектурном комплексе музея-заповедника. Как сделать это лучше всего? Над этим думают и работники музея, и друзья его, и посетители. Важно, чтобы наша память о нем соответствовала сказанному им самим:

«Но пусть тот камень осеняет ель. Пусть вечная печать на нем — форель!»

Партитура оперы «Призраки Эллады». Музыка В. Д. Поленова, либретто С. И. Мамонтова

